

Курь Виктор

26.08.98

# Верность с. 13

Анатолий Эфрос – о Викторе Розове

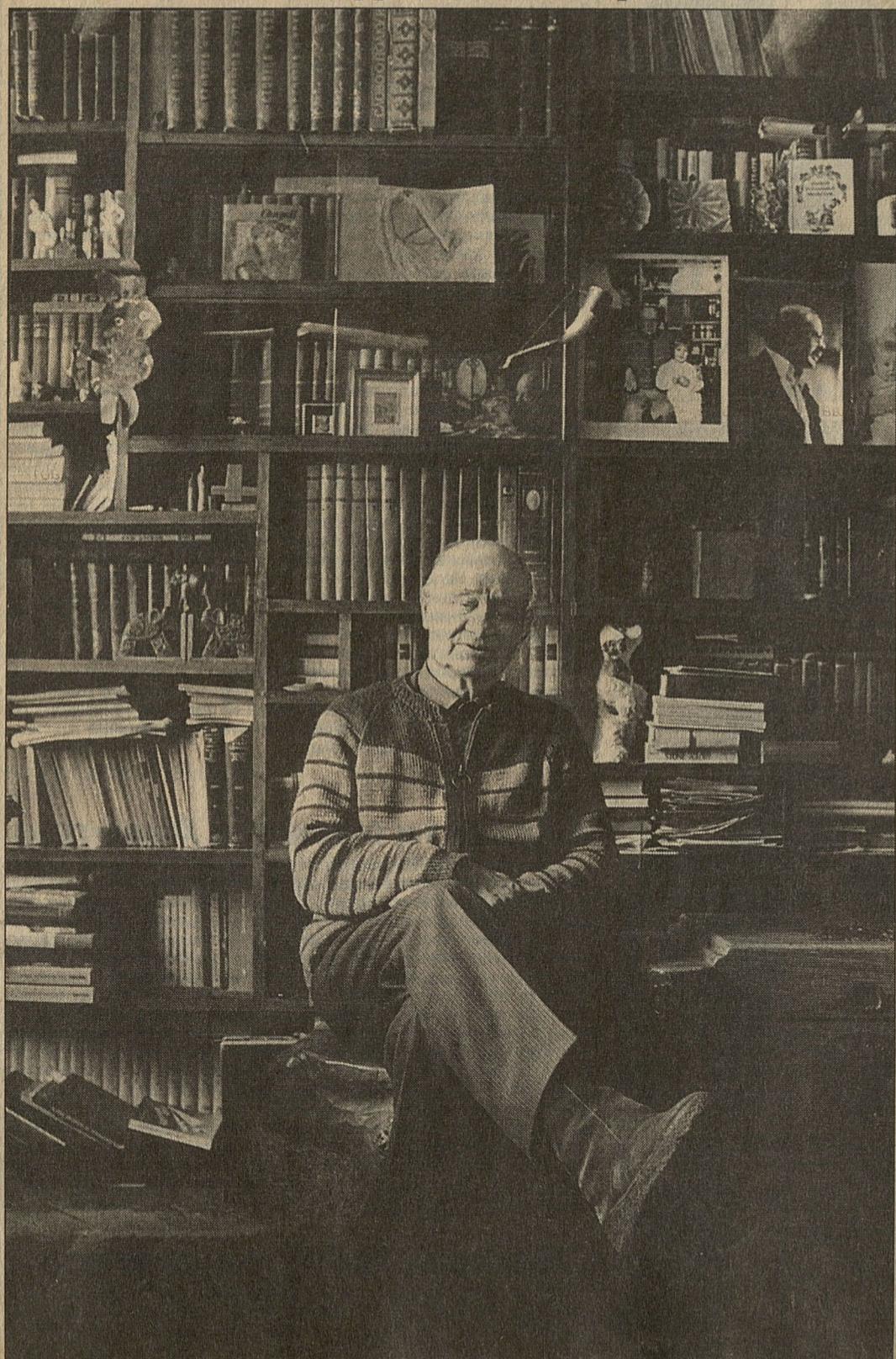


Фото Н.САМОИЛОВА

21 августа исполняется 85 лет Виктору Сергеевичу Розову, патриарху нашей драматургии, с которым столь многое связано в театре и кино начиная с середины 50-х. Розов и его знаменитые "мальчики" обозначили эту пору искусства и жизни. Спектакли Центрального детского театра, начало "Современника", новое кино с фильмом "Летят журавли" – все это розовское. И острый драматизм новых сюжетов, под- сказанных жизнью, от "взрослой" уже пьесы "В день свадьбы" до "Гнезда глухаря" и "Кабанчика" – тоже розовское. Как и ожившие образы Гончарова и Достоевского в розовских инсценировках. И страстное неравнодушие ко всему, что делается вокруг. И судьбы художников, актеров и режиссеров, которые благодаря Розову состоялись, проявились, обрели второе дыхание... Первым из них по праву должен быть назван Анатолий Эфрос.

Все началось с "Доброго часа"... Совсем молодому режиссеру Анатолию Эфросу доверили постановку пьесы не слишком пока известного драматурга Виктора Розова, который, однако, был здесь не новичок: на сцене ЦДТ уже шли две его пьесы. Первый их разговор несколько насторожил драматурга: сам стиль мышления и объяснений живого и экспансивного режиссера казался ему странным. Но вскоре начались репетиции: родился спектакль "В добрый час!", а с ним – крепкая, долгая дружба. У Розова возник свой театральный дом, с которым его связали почти семейные отношения.

Потом Эфрос поставил в ЦДТ еще не одну пьесу Розова, вместе с ним развываясь, меняясь, мужая. С пьесы Розова "В день свадьбы" начнется новый период его жизни, в Московском театре имени Ленинского комсомола, нынешнем Ленком. В Театре на Малой Бронной он тоже поставит розовскую "Ситуацию" и спектакль "Брат Алеша" (инсценировка Розова по роману Достоевского "Братья Карамазовы").

Дело, однако, не в статистике; не ею определяется то, что называется позабытым сегодня выражением "родство душ". Но ведь оно было; оно не раз доказано тем, как чувствовали они друг друга и общее движение времени; как совпадали порой в этом, хотя у каждого уже был свой путь. Эти, пусть нечастые и внезапные совпадения, и могли дать такие вершинные создания обоих, как тот же "День свадьбы" или "Брат Алеша".

Родство душ не только так проявляется; есть у него и другое – простое человеческое, житейское измерение – верность. Эфрос был на дюжину лет моложе; годился Розову в племянники или младшие братья и деливал у него ослобный род горделивой и заботливой нежности; внезапный уход его стал, как видно, для старшего незаживающей раной. Эфрос в свою очередь платил ему до конца дней веселой и благодарной нежностью. Когда в начале 80-х на телевидении решили сделать передачу "Виктор Розов и его ге-

рой", оба его младших друга – Эфрос и Ефремов, уже маститые, пришли сразу, по первому зову, и получилось чудное трио...

Сначала Эфрос бродил по фойе и, рассуждая как бы сам с собой, говорил следующее:

– Здесь в течение десяти лет мы ставили пьесы Розова. Вот там – комната, где мы репетировали их. Вот – фойе, где мы с Виктором Сергеевичем каждую премьеру ходили и ждали, как публика будет воспринимать наш спектакль...

Время идет очень быстро, я смотрю на эту стенку с фотографиями и вижу здесь большинство незнакомых мне актеров, Молодые лица... Некоторых я все же узнаю. Это – люди, которые работали тогда в театре (20 – 25 лет назад); которые участвовали в пьесах Розова. Но, к сожалению, нет портрета Заливина, который замечательно играл в "Доброе утро"... Он и Ефремов в "Доброе утро" представляли собой удивительную пару. Это были типы жизненные, необыкновенные, какие-то нешаблонные. Заливин играл мальчишку, который казался всем безобразником. И Розов в этом безобразнике почувствовал человека, такого ершистого, такого угловатого, который, по существу, был замечательным, – это вообще тема очень многих розовских пьес.

Я вообще скучаю по таким героям...

Еще у Розова была прекрасная манера смешивать смешное и серьезное. Когда я впервые читал его пьесы, они очень весело воспринимались, и в этой веселой оболочке была запрятана очень серьезная тема. А потом Розов бросил эту веселую оболочку и стал писать пьесы более драматичные что ли, более суровые.

Потом все сели за стол, и начался диалог; Эфрос обращался к Розову прямо.

– Тогда, когда ваши пьесы появились, они были чрезвычайно дерзки. Я читал их одним из первых всегда, и вся моя нервная система отзывалась на эти пьесы. Когда я прочитал "Вечно живые", то долго был в спокойном состоянии и чувствовал, что познакомился с чем-то настоящим, реальным. И в "Поисках радости", когда мальчик рубил мебель, все это восстание против мещанства очень волновало. Очень волновало... Я закрывал пьесу и чувствовал, что ее необходимо сейчас же поставить.

Еще было такое чувство, когда я читал ваши пьесы, что как будто бы сразу становился на обе ноги. Какая-то твердость позиции была. Я понимал, что год мой не пройдет зря.

Я думаю, вы очень чувствуете, как человек, пока проживает жизнь, забывает свою юность, свое детство. А в общем, юность и детство – самые прекрасные моменты... Вот, собственно, детство: юмор и улыбка. Человек рождается с улыбкой к другим людям. Он может отозваться на шутку и улыбается...

Потом человек "заскорузневает", в результате одевает на себя такую крокодиловую кожу, какие-

то доспехи. Потому что жизнь – непростая вещь, и он учится соотноситься с жизнью, защищаться. И это приобретательство, о котором вы пишете, тоже есть защита – чтобы встать на ноги; чтобы быть, как все. В глазах у него появляется твердость. Я совершенно не перевариваю людей, у которых в глазах – твердость. Мне кажется, нужно быть цельным человеком, нужно быть человеком долга, дела, любви к профессии, любви к ближнему и в этом проявлять необычайную твердость. Щиты нужно очень умело выставлять, а то они становятся основным; становишься кожей человека. Посмотришь на человека, а у него в глазах – щит...

Люди порой в силу многих обстоятельств жизни теряют человеческий облик. А мне кажется, что вы в своих пьесах говорите самую простую, нормальную вещь: что нужно не терять человеческого облик...

И еще: о столкновении поэзии и прозы, которые существуют в каждом человеке и в жизни. Проза – замечательная вещь, но, знаете, нужна норма. Нужно сохранять поэзию в столкновении с ужасающей прозой... Вы молодых людей противопоставили именно этой прозе, потому что они приходят с чем-то, к чему надо прислушиваться и не душить, не давить ту свежесть чувств и восприятия, с какими они появляются на свет. Вот этому, по-моему, вы верны. И когда мальчики ваши отошли на второй план – все равно они присутствуют в отношении к тем слонам и бегемотам, которых вы изображаете с точки зрения того юноши, что смотрит на это нормально.

Я, может быть, чересчур прекрасодушно что-то скажу. Думаю, что ваши пьесы в людях нашего поколения оставили добрый след...

Это было сказано 15 лет назад и с тех пор не раз звучало с телеэкрана. Конечно, это не тот великодушный литературный текст, который оставил нам Эфрос в своих книгах. Но это – его интонация, его слова, его отношение к Розову, которое он запечатлел, как и самого себя, – с безбоязненной своей открытостью, с верностью себе молодому; с тем отсутствием "щита" в глазах и душе, что через несколько лет подтвердится...

В последний раз я видела их вместе в бурную "перестроенную" пору театра – когда ВТО преобразовывалось в СТД. Было позднее вечернее заседание, нервное, напряженное, грозящее скандалом, который и произошел; но они к тому моменту уже исчезли. А до того были веселы и легки, перебарывались шутками друг с другом и с нами, и явно были счастливы своей встречей...

Публикация  
Татьяны  
ШАХ-АЗИЗОВОЙ

42